

чивается сказка, — полно мужик в цари лезть, и калачом не заманишь больше его в эту должность».¹⁰

Явный отголосок другого переводного рассказа из того же Погодинского списка № 1777 «О злой жене» (№ 168) представляет сказка «Капризная жена».¹¹ Для вдовы из «Шлезии града Бреславля» молодой муж заказал столяру «колыбель болпую» и нанял двух молодых людей, которые укладывали ее в колыбель, как только она начинала буйствовать, и качали, «сколко у них есть мочи». И так учили злую жену, пока она «с клятвою обещалась жить во всяком смирении и послушании». Так повторялось каждый раз, когда жена нарушала обещание, и наконец она «мусила переменить такой свой злой обычай и жить смирно и послушно с мужем своим». Этот рассказ был переделан в стихотворный жарт и в устную сказку, записанную в Москве. В сказке изображена не вдова, а капризная девушка, дочь помещика, которая, выйдя замуж, стала «мучить» мужа своими капризами. Узнав, что в детстве ее «не пеленали и в люльке не качали, а только все на руках распелененную убаюкивали», муж, «как бывало чуть она закапризничает или закричит, — <...> тотчас же пеленать ее, в люльку да и качать». «Шелковая стала — за какие-нибудь полгода», — заключает сказка.

Видимо, не случайно устные варианты переводных рассказов записаны в городах, где бытовали рукописные тексты сборника в целом и части его.

Наши наблюдения над судьбой литературных повеллистических сюжетов в начале XVIII в. дают основание утверждать, что в это время в прозе еще не создано резкой грани между литературой в строгом смысле этого слова и фольклором. Повествовательные жанры в это время еще занимали промежуточное положение; только в 1760-е годы появилась уже русская собственно литературная проза, беллетристика.

¹⁰ Чудинский Е. А. Русские народные сказки, прибаутки и побасенки. М., 1864, с. 100—101.

¹¹ Там же, с. 102—104.